

Мария Головановская

На дереве кот

На дереве кот. Под деревом пес. На голубом небе бело-серое кудрявое облачко покачивается. Дощатый забор, на крылечке бабушка в очках, с седым пучком, из которого торчат шпильки. В окошке свет, на плите блины. На дереве кот. Под деревом пес. Вечерняя сказка.

Какой бы крошечной ни была идея, она все равно огромна. Можно сколько угодно мерить глазами горы и водопады, лесные массивы и моря, идея заведомо больше их, какой бы крошечной она ни была.

Серое утро, идет дождь со снегом, и глаза просто слипаются. Ползешь, еле волоча ноги, словно бесконечная гусеница, и все время приглядываешься, где бы прикорнуть. Спотыкаешься о всякий выступ, серое утро, идет дождь со снегом, и глаза просто слипаются.

Гастрономические разговоры в вестибюле. Разносятся слова «рулет», «крем», «лимон», «вкусно». Голосам вторит эхо: «рулет», «крем», «лимон», «вкусно».

Все золото, что блестит. Краешком глаза наблюдаешь и думаешь: и это золото, и это, и это. И медовая тугая капля, и цветок на обложке, и окно в солнечном свете. Все золото, что блестит.

С утра творожок и чашка кофе. Кофе светлый, с молоком, творожок с ложкой варенья. Солнце сияет в окне. Сверху на улице синее небо. Поют «молнии», ныряя вверх и вниз, защелкиваются защелки. Люди в яркой одежде, сладкие запахи, с утра творожок и чашка кофе.

Моментально уходит жизнь. «Куда спешишь, дурачина?» — «Все потратил, иду домой». И дома, распаковав покупки и расставив все на видные места, вздыхаешь тяжело: моментально уходит жизнь.

На углу продаются грейпфруты. Идешь, обливаясь горьковатым соком. Потом не знаешь, обо что вытереть руки. По-французски грейпфрут — памплемус. Сок красивый в прозрачном стакане. Белая в красную прожилку соломинка. Желтый грейпфрут.

Бывают дети, которые хорошо едят, а бывают, которые плохо. Родители первых радуются и приговаривают: «Ешь, мой хороший», а родители других чего только не придумывают, чтобы засунуть ребенку ложку в рот. Бывают дети...

Птицу в полете остановить нельзя. Нет. Можно. Она останавливается, не прекращая работать крыльями, словно плывет против течения, как белая балерина из «Лебединого озера». Птицу в полете остановить нельзя.

Сначала дослушай, а потом возражай. Не перебивай, имей терпение. Не отвечай вопросом на вопрос. Не зевай, не ерзай на стуле. Не думай, что ты умнее всех, не горячись, не теряй самообладания, не пререкайся, не уходи, не дослушав, дослушай, а потом возражай.

Мясник рубит мясо. Красное мясо большим топором на иссеченном пне метровой высоты, и каждый боится, что он отрубит себе палец. Очередь нервничает. Стук слышен по всему магазину. Словно стоишь на поляне, и дровосек рубит лес.

День и ночь смыкают ладони, месяц тупо упирается рогами в облако. Сколько раз месяц сравнивали с быком? Русские влюблены в страдания. Русские не видят грязь под ногами. Мысль, как зловонная старуха, ковыляет к тайнику, идет за ответом, и всякий раз чувства подступают к горлу, когда день и ночь смыкают ладони.

На строчках — грядки. Выращиваешь словесные плоды. Технарям скучно без слов. Технарям нужно хорошее общество. Посреди прозрачной улицы бежит маленькая черная собачка. Надеюсь, нам не будет скучно друг с другом. На строчках — грядки.

Это больше никогда не повторится. Извини. Я не теряю надежды, я повторяю снова и

снова: это больше никогда не повторится. Извини.

Солнце сквозь сон сияет, как новый пятак. Весна сорит деньгами, солнечные зайчики выскакивают из серебряных луж, и от весеннего воздуха все прохожие покрываются почками. Весна! Солнце сквозь сон.

За какую ниточку ни потяни, будет дырка. Ничего не помню, теряю нить. От воспоминаний рябит в глазах. Словно стоишь на большой высоте над уровнем моря. Нет, не помню, за какую ниточку ни потяни.

Журавль в небе, синица в руках. Ласкаешь синицу, нежно перебираешь перышки. Гладишь клюв, любишься крылышком, журавля ненавидишь, ишь выискался, и крылья некрасивы, и шея нехороша, то ли цело синица в небе, журавль в руках.

Время трубить. Отходит поезд, гаснут огни. Вытягиваешь шею, держишь в руках край стола. Что добязить? Грудь колесом. Время трубить.

Чем старше человек, тем больше он похож на самого себя. Что можно разглядеть в ошпаренном юношеством отроке. Или молодость, скачущая, как взмыленный конь, через барьеры и траншеи, что можно разобрать в этом галопе? Или середина жизни, лежащаяся, как блин, на раскаленную сковороду? Что можно понять, если под тобой пламя? Нет, чем старше человек, тем больше он похож на самого себя.

Страшный сон многих и многих здесь. Оказываешься в огромном переполненном магазине, под названием «Там», а в кармане ни копейки. Сон многих и многих здесь. Все богачи невидимы. Кого ни встретишь — бедняк. Даже если он купил себе недавно дорогую, хорошо оттиражированную вещь. У богачей нет таких вещей. Все богачи — невидимы.

Хочешь быть как трава. Преподаешь в солнечной Венесуэле балет. В группе — семилетние девочки. Каждый день к полудню идешь по светлым в зелени улицам. Хочешь быть как трава.

Волосы блестят на солнце. Радостный день. Голубь летит прямо в лицо. Загораживаешься рукой. Волосы блестят на солнце.

Будешь ходить по струночке. Если что, офицер с рябым лицом даст в ухо. Будешь драить пуговицы и пряжку. Станешь мужчиной. Будешь ходить по струночке.

Босые пятки ласкает теплый песок. Мы сидим на берегу. Холодное море Прибалтики. Кто первый пойдет в воду? Все переглядываются. Босые пятки ласкает теплый песок. Бессилен изменить и то, что внутри, и то, что снаружи. Иногда пугаешься или того, или другого. А потом думаешь, чего суетиться? Ведь бессилён изменить и то, что внутри, и то, что снаружи.

В воздухе, как муха, летает пятно. Кружится над чашкой, облизывает ложку. Ап! и присело пятно на скатерть. Посидело и снова в воздухе, как муха, летает пятно.

Что можно придумать, когда делать чего-нибудь не хочется, а надо? Во-первых, сказать, что всей душой бы, но болен. Во-вторых, что уже давно это сделал и вообще не понимаешь, о чем речь, в-третьих, что это должен делать вовсе не ты, в-четвертых, что это делать вредно, в-пятых, что не надо срывать на окружающих свое плохое настроение, а больше я и не знаю, что можно придумать.

Негритянка поет джаз. Ее голос порхает, как птичка. Это толстая некрасивая негритянка. У нее светлая ладонь. Она закрыла глаза. Негритянка поет джаз.

Она похожа на изжеванную жевательную резинку. Не поймешь, какой раньше была, клубничной или кофейной, мятной или банановой. Теперь как понять, какой она раньше была?

«Зачем смеешься над убогим?» — «Так получилось». — «Как получилось?» — «А ты где был?» — «Я стоял рядом. Рядом с собой и думал: «Куда тебя, дурня, несет? Зачем смеешься над убогим?»»

Поперек листа бумаги лежит, как селедка, слово «ЗАПРЕТИТЬ». Вымажешься в нем весь, и запах от тебя исходит специфический. Сразу видно, что у тебя в сумке бумага, поперек которой лежит, как селедка, слово «ЗАПРЕТИТЬ».

Что я вижу? Вижу, как ты перебегаешь дорогу, сначала смотришь налево, потом направо и, ускользнув в последнюю секунду от серого пикапчика, направляешься в арку, а потом в продуктовый магазин. Что я вижу?

Меня приняли в одном доме, в котором раньше никогда не принимали. Посадили за стол перед чашкой чаю, поставили в розеточке вишневое варенье.

— Пей на здоровье! Как поживаешь?

Странное дело, меня приняли в доме, в котором раньше никогда не принимали.

Сидит в кресле толстяк, кресло хрипит под ним, и огромной малиновой грушей свисает его живот. Он тяжело дышит, по вискам струится пот. Толстякам всегда жарко, и их всегда жаль. Не хочется быть как они, об этом думаешь, когда видишь, как сидит в кресле толстяк. Телефон молчит. Никто не звонит уже несколько дней. Только поскрипывает форточка, и струится, спускается из нее сумасшедшая синь, солнце и ветер. Медленно закипает чайник. Телефон молчит.

Пафос, как кипучая волна, унес меня далеко от берегов, в открытое море, и я теперь плаваю здесь среди разноцветной живности и не мечтаю о том, чтобы вновь обрести почву под ногами. Слушатели разошлись, спор угас и остыл, каким же маленьким кажется это все с такого огромного расстояния! Но пафос, как кипучая волна, унес меня...

Солнце догорает в небе, как окурок в пепельнице. Внутри — пустота. Прозрачная пошлость. Чем прикрыться? Солнце догорает в небе.

Скажи сразу «да» или «нет». Ладно? Неужели не хочешь? Смелое сравнение, красивое слово. Писатели много пишут плохим почерком. Очень красивое слово. Скажи сразу «да».

Как выглядят гиацинты? Никто не может мне ответить, думаю, что лиловые. Думаю, на невысоком гибком стебле с большими, похожими на кленовые, листьями. Слово, похожее на глицинии. А как выглядят глицинии, как выглядят гиацинты?

Черно-белый кинематограф. Белая шляпка, квадратный вырез на платье, серая лакированная сумочка. Прическа с прямой челкой, волосы до шеи. Блестит лимузин без верха, длинные цифры на часах. Как-то тревожно. Черно-белый кинематограф.

Черт, шнурки развязались. Давит на плечи гроза. Быстро иду домой. От проспекта — шум. В крапинках серый асфальт. Сколько осталось идти? Черт, шнурки развязались. От кошачьих когтей следы на руке. Руки поцарапаны. На морозе розовые полоски синеют. Кошка с мягкой шкуркой смотрит зелеными глазами не моргая. Ты — жадная, у тебя неприятно просить. От кошачьих когтей следы на руке.

Нас на фотографии четверо. Двое уехали, остальные здесь. Двое остались, двое уехали. Когда смотришь на фотографию, хочется задуматься поглубже. В общем, все как-то устроились, и никто не изменился. Так говорят те, кто нас знает. Нас на фотографии четверо.

Ручка пьет чернила из синей пластмассовой баночки. Глотает, прихлупывая, и чувствуешь, как у нее по горлу катится глоток за глотком. Ее резинка-пипетка работает, как сердце, качает и качает влагу для обалдевшего от жажды шершавого перышка. Перепила. Сплевывает капли. Пальцы в чернилах. Ручка пьет чернила из синей баночки, как аист.

— Мужик, ты охренел!

Идет, одежда вся измазана, куртка коричневая в дряни какой-то, ушанка мокрая. Ноги ставит криво, цепляется ободранными руками за колючий куст и все повторяет:

— Мужик, ты охренел!

Сколько можно говорить о грустном? Страшно становится, если представить себе, сколько сейчас народу говорит о грустном. Тот, кто- говорит, смотрит в одну точку, прямо перед собой, тот, кто слушает, скрывает зевки. Как прервать такой разговор? Болото

светской неловкости. Сколько можно говорить о грустном?

Девять из десяти. Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять. Девять из десяти.

Поднимаешься к себе на этаж. Кто-то за одной из дверей тушит курицу. По лестничной клетке гуляют чудесные ароматы. Глотаешь слюнки. Гладишь рукой шершавую стену. Достоешь ключи. Поднимаешься к себе на этаж.

У нее все подружки какие-то странные. У всех — торчащие челки, длинные носы, безумные глаза. Приходят — не здороваются. Сразу на кухню. Все съедят, накурят в комнате и уходят. У нее все подружки какие-то странные.

Каждый привыкает к своему цветному телевизору. Придет в гости, смотрит, нет, что-то не то. Или слишком яркий, или слишком блеклый, или цвета страшно искажены. Ловишь, ловишь эту неуловимую разницу, а потом скорее бежишь домой, ничего с собой поделать не можешь, так привык к своему цветному телевизору.

Рассматриваю в зеркальце дырку в зубе. Зеркальце запотеваает от дыхания. Будет или не будет больно?

Страшно. Бегут минуты, стучит в висках. Рассматриваю в зеркальце дырку в зубе.

Я кричу тебе хриплым голосом: «Сколько можно терпеть!»

— Господи, делов-то. Ну не терпи!

И потом в хриплом урагане слов кружится голова, как от свежего воздуха, о котором можно сказать «перепил».

— Нет проблем! — я кричу тебе хриплым голосом.

Прежде чем уснуть, выключаешь свет. Думаешь: откуда этот запах? Внизу соседи жарят картошку. Еще не спят. Ложатся поздно и встают поздно. Думаешь, наверно, проводят ночь в райских блаженствах. Хочется жить кое-как. Прежде чем уснуть, выключаешь свет.

Если однообразны дни, однообразны и ночи. Нет. Если однообразны дни, разнообразны ночи. Нет. И ночи и дни, как они взаимодействуют? Трудный день, легкая ночь? Или трудный день и бессонница до пяти утра? Пустой день, плохо спишь? Спишь днем, спишь ночью? Ночь не спишь, ходишь с красными глазами и в белых брюках? Если однообразны дни, однообразны и ночи.

Боюсь сквозняков. Как пламя свечи. Как груда бумаг. Как больной старик. Как ребенок строгих родителей. Как гвоздь молотка. Боюсь Как.

Шум и тарарам. Горит свет. Гости. Говорят одновременно. Порхают ложки с салатом. Проливается вино. Скатерть в пятнах. Бокалы сходятся и расходятся. Шум и тарарам.

Додумываешь до конца. Предвидишь последствия, отдаешь себе отчет в причинах. Примеряешь на себя, на карлика, на гиганта. Откладываешь на потом. Вспоминаешь среди ночи. Додумываешь до конца.

Привыкли видеть в вещах нечто большее. Вилка в розетке. Ток. Часы на руке. Время. Так и разбредаются слова по устам, как гости по домам, потому что уже давно пора. На дереве — кот, под деревом — пес. Вечерняя сказка.

Скатерть в пятнах. Бокалы сходятся и расходятся. Шум и тарарам.

Додумываешь до конца. Предвидишь последствия, отдаешь себе отчет в причинах.

Примеряешь на себя, на карлика, на гиганта. Откладываешь на потом. Вспоминаешь среди ночи. Додумываешь до конца.

Привыкли видеть в вещах нечто большее. Вилка в розетке. Ток. Часы на руке. Время. Так и разбредаются слова по устам, как гости по домам, потому что уже давно пора. На дереве — кот, под деревом — пес. Вечерняя сказка.